

Журнал "Костер"

№07, 1966

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал "Костер": №07, 1966 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-458-61571-6

Костер - это журнал для школьников, который начал издавать в СССР с 1936 года в Ленинграде. Журнал будет интересен для школьников начальной и средней школы, а так же для родителей. Рубрики "Костра" учат школьников не в привычной для образования манере, а в форме интересных рассказов. В числе постоянных рубрик есть и литературная страничка, юмористические материалы, статьи по истории Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-458-61571-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

бульон, вода раздалась и сомкнулась над ним зеленоватым куполом.

Пашка коснулся песчаного в твердых складочках дна и застыл.

«Так вот и буду здесь сидеть. Все время», — подумал Пашка. Он поднял глаза. Солнце ровным слоем разлилось по воде и поверхность казалась громадным вогнутым зеркалом.

— Вот теперь попробуй достань меня! — сказал он солнцу и засмеялся.

И сразу же вверх взлетели упругие ртутные пузыри, раскололи зеркало и разбежались стремительными кругами.

На дне было хорошо. Пашка пошевелил перед носом легкими пальцами и сложил фигу. Фигу тебе, жара! Достань-ка!

Пашка усмехнулся сам над собой — он-то знал, что все эти фокусы — обман. Потому что он уже стал судорожно сглатывать, а это было верным признаком, что воздух кончился и надо срочно подышать.

Пашка еще немножко из упрямства посидел, чувствуя, как в висках начинают колотить тугие молоточки, а глаза сами вытаращиваются.

Потом, в последний миг, он резко оттолкнулся ногами и вылетел наверх.

Он часто-часто открывал рот — никак не мог надышаться.

Подумаешь — жара! Что такое жара, если сладкий воздух врывается в грудь и можно дышать сколько угодно. Вон его сколько — воздуха: полное синее небо.

Настроение сразу изменилось. Будто Пашке подарили что-то замечательное.

Он заорал и ударил кулаком по воде. Тотчас же над его головой повисла тоненькая бледная радуга.

Он снова заорал, и кто-то радостно ответил ему с берега — счастливым заливистым воплем.

Пашка поглядел на берег и увидел чудо.

Определенно что-то в мире изменилось.

На берегу хохотал-заливался изумительный щен.

Он был в очках.

Представляете? Щен-профессор. Но это был ужасно веселый профессор.

У него была улыбка до ушей и тысяча ослепительных зубов. Он ими пускал зайчиков. А еще на нем была самая пушистая шуба на свете и разные уши — одно строгое — торчком, а другое болталось дурашливо и смешливо.

Очки были белые — правильной такой формы, с тоненькими оглоблями.

Сам черный, только очки белые да кончик восторженного хвоста.

— Ура! — крикнул Пашка.

— Р-ра-ра-ра! — завопил щен и укусил Азовское море. За самый краешек.

Потом он стал сердито плевать и во весь голос обругал море: зачем оно такое невкусное — ни пресное, ни соленое.

Это был на редкость жизнерадостный и нахальный щен.

Пашка, как крокодил, выполз на брюхе до половины из воды и сказал:

— Здравствуй, очкарик.

Щен подмигнул ему общими глазами и отважно ткнул прохладным шершавым носом в шею.

— Тебя как зовут? — спросил Пашка.

Щен не ответил.

— Ты что это — разговаривать не умеешь? — рассердился Пашка.

Щен печально покачал головой.

— Научим, — пообещал Пашка и добавил: — а как тебя зовут, я и так знаю. Тебя зовут Поркатон. Так? Поркатоша.

Щен ликующе взвыл и запрыгал, отрывая от земли сразу четыре лапы, будто они у него были на пружинках.

Потом он посерьезнел, торжественно подошел к Пашке, потерся головой о его щеку и похлопал лапой по плечу.

Но не фамильярно, а ласково.

Просто они сразу понравились друг другу и стали друзьями.

Бывает ведь так — сразу. С первого взгляда.

* * *

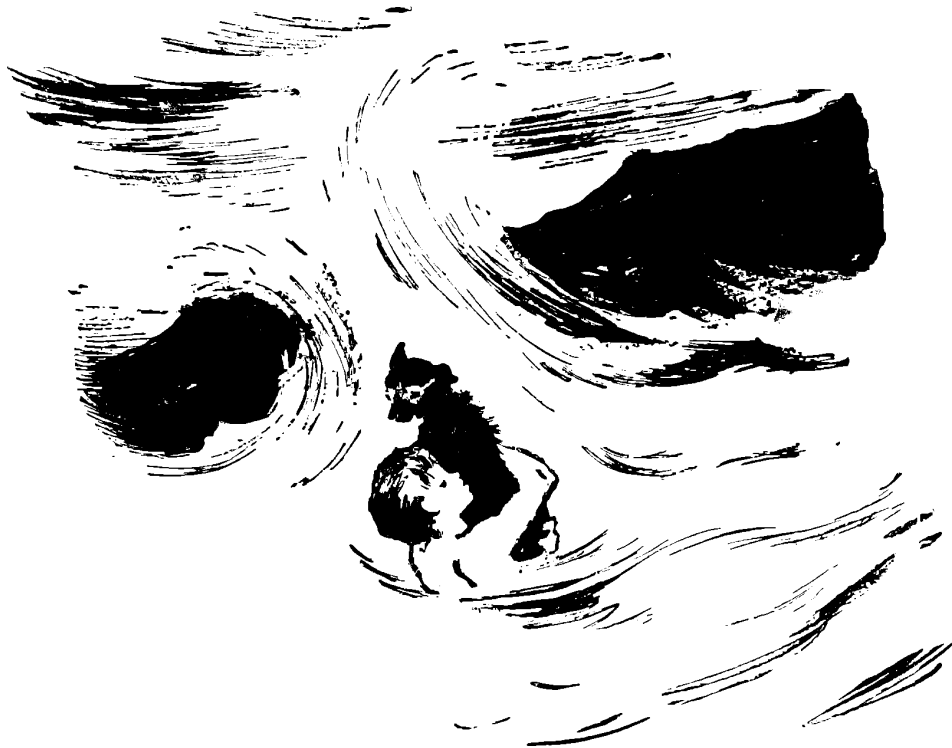
Такие штучки случаются только на море. Может быть, на каком-нибудь приличном море, на каком-нибудь там океане все иначе, но на Азовском бывает так: то пекло рыжее мохнатое солнце, и вода была плоская, как в блюде, то вдруг ни с того ни с сего завыло, закрутило, солнце занавесилось рваной серой тучей, а волны стали бестолково болтаться в разные стороны.

Они не катились ровненькими рядками к берегу, как на всяком нормальном море, а суматошливо плескались, сшибались друг с дружкой, как пьяные, и дубок на них мотался в разные стороны, плясал пробкой, а пассажиры мотались в дубке и кляли все на свете.

Они вцеплялись загребущими цепкими пальцами в свои спекулянтские мешки и ругались страшными словами.

И глаза у них были белые от страха и злости.

Хоть они и назвались отцу колхозниками, но Пашка не очень-то в это верил. Просто отец добрый и простодушный, а они его надули.

В Поркатоне они канючили сладкими подхалимскими голосами, просили «товарища дорогого капитана взять с собой в Таганрог трудящее крестьянство, бо там базар», а дубок все равно возвращается пустым.

И отец сжалился.

Пока не очень болтало, они только и делали, что галдели о ценах. Над дубком висели липкие базарные слова: «полтинник — пучок», «барыш», «загнать» и так далее.

А теперь, когда приперло, честили отца на чем свет стс т. Будто он их насильно посадил в дубок. И требовали «вертать обратно».

Но Пашка только усмехался. Не такой отец человек, чтобы «вертать обратно».

А на этих визгливых купцов и купчих он и не глядел. Будто их и не было. Будто они — пустое место.

Перепуганных спекулянтов это просто из себя выводило.

Но они могли только ругаться, потому что для чего-нибудь другого были слишком трусливы.

Особенно одна разорялась. Такая здоровенная бабища с багровым лицом и маленькими заплывшими глазками.

Она сидела на своих полосатых мешках и выкрикивала бессмысленные злобные слова.

А когда ее окатило волной и десяток ее цветастых юбок, надетых одна на другую, облепили толстые ноги в смазных сапогах, она совсем взбесилась. Рот ее не закрывался. Он стал похож на напряженную синюю букву О, а глазки совсем зарылись в лоснящиеся щеки.

Хорошо еще, что ветер расшвыривал весь этот гвалт, а то можно было бы оглохнуть.

Поркатон болезненно морщился и отворачивался.

Ему было плохо. Он укачался.

Очень жалко было Пашке пса. Он взял его на руки и увидел, что у Поркатона дрожат глаза.

Пашке показалось, что щенок смотрит на него с укором: зачем, мол, потащил меня с твердой, надежной земли в это непонятное и страшное место, где все качается и кружится голова.

— Ты жалеешь, что пошел со мной? — спросил Пашка.

Щен слабо вильнул хвостом и покачал головой. Он даже попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

Трудно улыбаться собаке, если ей плохо.

— Ах ты, Поркатон мой, Поркатоша, нукудышный ты моряк.

Пашка погладил его и положил на палубу рядом с теплым кожухом движка.

Движок тарахтел дребезжащим стариковским голосом, и Поркатон сначала испугался, задвигал ушами. Но потом сообразил, что эта рычащая штуковина не злая и даже полезная—греет и заслоняет от надоедливых брызг.

Он полежал немного, согрелся и перестал дрожать.

На волны он старался не смотреть, потому что смотреть на них было страшно—они были желтые и лохматые, как большие дворняги, и шипели белой пеной.

Поркатон положил пушистую морду между лап и зажмурился.

Он подумал о Пашке—ласковом, добром человеке—и преданно помахал хвостом.

Никто этого не видел. Но Поркатону и не надо было, чтоб кто-нибудь это видел, потому что он махал не напоказ, а от души.

Просто ему очень нравился его новый друг.

С таким другом жить было веселее и лучше.

Но вдруг случилось что-то непонятное и жуткое. Навалилось на Поркатона.

Откуда-то к горлу подкатил плотный, горячий ком и застрял там. Поркатон попробовал вздохнуть и не смог. Ему стало совсем плохо.

Поркатон растерялся и зачем-то побежал вперед. С перепугу.

Он не понимал, что с ним происходит, и боялся, и ему хотелось спрятаться.

Он неловко бежал на разъезжающихся неверных лапах.

Он почти ослеп от страха и глядел как бы внутрь, в самого себя, что это в нем такое делается.

Потому и не заметил, как налетел на полосатые мешки визгливой бабищи.

А на мешках ему вдруг сделалось нехорошо и он испачкал эти самые окаянные мешки.

Ему сразу же стало легче, он жадно глотнул прохладный вкусный воздух и опомнился.

И тут раздался такой пронзительный, ни на что не похожий ор, что Поркатон застыл на месте.

Ему бы бежать, спастись, а он стоял и оглядывался—хотел понять, что случилось.

Поркатон еще не знал, что некоторые люди, продающие на базаре морковь, яйца или там редиску, считают, что самое дорогое и главное на свете то, что они продают. И еще затертые пятаки да мятые, захватанные рубли—самое главное.

Он не знал, что у этих людей выпученные от жадности и злости глаза и мясистые, сизые от ярости лица. И жесткие безжалостные руки. Он не понимал, что это за люди.

А когда понял, было уже поздно.

Руки костяными клешнями вцепились в него, смяли в горсти пушистую мягкую шерсть вместе с кожей и швырнули его в воду.

Поркатон увидел, как перевернулось небо и желтая вода смяла его, поволокла урча.

Пашка услышал крик, но не понял, в чем дело, а разобрал только одно слово:

— Нагадил!.. Нагадил!..

Потом он увидел, как в воздухе закувыркался шенок, его Поркатон, Поркатоша, очкарик.

Ноги сами понесли его, метнули вперед.

И Пашка сиганул за борт.

Уголком глаза он успел заметить стоящего у штурвала отца, его испуганные добрые глаза под блестящей мокрой зюйдвесткой, и в каком-то дальнем затаенном переулочке мозга промелькнули нечеткие поспешные мысли, суть которых была в том, что уж его-то, Пашку, отец вызволит, как-нибудь уж вытащит, не бросит, а Поркатону одному в море—погибель. Потонет Поркатон.

Пашка сразу же вынырнул и завертел, отфыркиваясь, головой. Пес должен был барахтаться где-то недалеко. Если сразу не пошел ко дну.

Волна подхватила Пашку, посадила себе на круглую спину.

Он с высоты оглядел море и увидел впереди шенка.

Поркатон боролся изо всех сил.

Не хотелось ему тонуть. Особенно сейчас, когда он понял кое-что в жизни, разобрался кое в чем.

Он торчал черным столбиком в воде и молотил, как барабанщик, передними лапами.

Волны окатывали его, накрывали с головой, но он снова появлялся—маленький и упрямый.

Не хотел он тонуть и все тут.

У него еще было важное дело в жизни. Он еще должен был укусить это крикливое злобное существо на полосатых мешках.

Он боролся.

И только когда Пашка осторожно подхватил его под мягкое брюшко, прижал к груди, Поркатон обессилел и тихонько всхлипнул.

Но у него все же хватило сил как-то извернуться и лизнуть Пашку горячим языком в нос.

Потом Пашка кружился на месте, подскакивал на волнах, как поплавок, и ждал, пока дубок развернется и подойдет к ним.

Уж что-то, а плавать Пашка умел. Он, кажется, и ходить-то научился позже, чем плавать. Впрочем, как и все мальчишки рыбацкого поселка.

Дубок подошел к ним вплотную. Шершавые отцовы руки обхватили Пашку за плечи и одним рывком выдернули вместе с Поркатоном из воды, поставили на палубу.

Потом одна рука поднялась и увесисто треснула Пашку по затылку — хрясь!

Но Пашка не обиделся. Он осторожно по-

видно, отец успел им сказать что-нибудь этакое. Отец, когда надо, умел сказать так, что у нехорошего человека от страха отваливалась челюсть.

А Поркатон полежал немножко, отдохнул, потом подошел к хозяйке полосатых мешков и деловито укусил ее за колено.

ложил Поркатона на палубу и улыбнулся отцу.

Отец помедлил малость, потом тоже улыбнулся и притиснул Пашку к своему горячему боку.

Но тут же смутился и легонько оттолкнул, шлепнув по спине. Не любил он разные телячьи нежности.

Мешочники молчали и перепуганно наблюдали за отцом и Пашкой.

Тетка зашипела, как раскаленная сковорода, и сползла с мешков на палубу.

Она вытянула руки с растопыренными загребущими пальцами и забормотала:

— Чур, тебя! Чур, бешеный! Все вы тут бешеные!

Поркатон постоял немного, глядя ей в глаза — Поркатон-победитель, потом повернулся, неторопливо протопал к Пашке и лег у его ног.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЗНАТКОВ „КОСТРА“!

Фоторепортаж об устном выпуске нашего Стола Загадок

Когда наш фотокорреспондент Борис Ефимович Ритов делал верхний снимок, он, конечно, не мог предположить, что мальчик, случайно оказавшийся на фотографии крайним слева, станет победителем конкурса знатоков «Костра».

Это выяснилось позже, когда Леню Крышечкина, ученика 153-й ленинградской школы, сфотографировали уже в качестве победителя, с почетной грамотой Знатока «Костра» I степени в руках.

Второе место заняла Юля Климанова из 290-ой школы, а третье — Ира Яблочкина из 389-й.

Конкурс знатоков «Костра» проходил в Ленинградском Дворце пионеров на празднике XXX-летия «Костра».

Кстати, такой конкурс вы легко можете провести у себя в дружине, в отряде. Подберите в годовой подшивке «Костра» 15—20 интересных для отгадывания картинок, как цветных, так и черно-белых. Показывайте их по очереди на экране через школьный эпидиаскоп. На каждую картинку — одна минута. За это время все участники конкурса должны записать на листочках, герои какого произведения изображены на рисунке, как зовут героев и кто написал это произведение.

Можно выбрать «подсказчика»: во время демонстрации картинок он будет читать вслух небольшие отрывки из соответствующих произведений.

Итоги конкурса подводит жюри. Не забудьте только придумать веселые призы для победителей.

Проведете такой конкурс — напишите нам, как он прошел, кто оказался победителем.

Крайняя справа — Юля Климанова. Слева — Ира Яблочкина.

СПРАВА ОТ РУЛЯ

Е. Рейн

Гравюры

А. Обвинникова

Я пришел на ленинградскую автобазу тяжеловозов рано утром.

В диспетчерской, за столом, девушка заполняла какие-то бланки. Водители ожидали наряда. Хлопнули двери. Вошли еще двое.

— А, Эдуард, вернулся!

Теперь куда?

— В Вильнюс и Клайпеду.

Я вздрагиваю. Вот, значит, мой водитель.

Зовут его Эдуард Линевский. Он широкоплеч, высок. Крупные черты лица, крупные волны прически. Сильные, широкие, плоские кисти рук, гаечный ключ в них кажется чайной ложкой.

Сейчас поедем. «МАЗ» уже нагружен. Груз — катушки кабеля.

* * *

Наш мотор работает с мощным грохотом, как будто это не мотор, а маленький заводик.

Еще бы, ведь он тащит тридцать тонн, некоторые каменные дома весят меньше этого.

Скорость не очень высокая, километров сорок-пятьдесят в час, а во время подъемов еще меньше. Но сила машины такова, что даже я, сидящий в кабине посторонний человек, чувствую себя гигантом, сдвигающим горы.

А Эдик это уже прямо Геркулес, который держит на плечах целый мир, как рассказывается в древнегреческом мифе.

Желваки у него на щеках округлились, мускулистые руки напряжены.

Совершенно неожиданно, без всякой подготовки, капли начинают барабанить по стеклу — мы въехали в дождь.

«Дворники» бешено мечутся, очищая стекло от струек, вокруг ни просвета, — свинцовый, низко нависший мрак. Но «МАЗ» старается, не жалея

сил, и вот на горизонте уже видна широкая полоса. Мы удрали от дождя. Мы шли с ним наперегонки и победили его.

Шоссе подсыхает, тут бы ехать и ехать, и вдруг бац, будто где-то под самым ухом пальнули из пушки.

Эдуард от обиды так хлопает по рулю, что пластмасса жалобно стонет.

Съезжаем с дороги, и дождик опять нагоняет нас. Если бы он мог смеяться, то в эту минуту, конечно, хохотал бы всюю.

Промокшие до нитки, меняем колесо. То есть меняет, конечно, Эдуард, а я ему помогаю.

Ведь у «МАЗа» лопнула крышка левого внутреннего заднего колеса. И чтобы сменить ее, надо сначала снять верхнее колесо.

А дождь все идет и идет. И когда он превращается в на-

стоящий водопад и грозит смыть нас в придорожную канаву, как раз в эту минуту на колесе закрепляется последняя гайка.

— Это что, — говорит Эдуард, — ну, промочило дождевиком, в кабине быстро подсохнет, а вот зимой менять колесо и вправду несладко. Этой зимой под Горьким, морозец был градусов двадцать пять. У меня оба задних баллона вылетели, потом еще домкрат сломался...

И снова дорога, километры, шлагбаумы, леса, поля, люди, села.

Смеркается. Машины зажигают фары. Разрезая тьму пятёркой ослепительных прожекторов, как линкоры по океану, проносятся автобусы-экспрессы. Мягко светят обгоняющие нас «Волги» и «Москвичи», и только братья-грузовики дышат тяжело где-то за плечами.

Их ждут во всех концах страны. Вильнюс ждет кабель из Ленинграда. Ленинград ждет лекарства из Тбилиси. Тбилиси ждет станки из Москвы. Москва — радиоприемники из Риги.

И поэтому бегут грузовики — день и ночь, в дождь и пургу, под солнцем пустыни, по обледенелым отрогам Памира. И в каждом водителе, такой же, как мой Эдик. Или не такой, но все равно чем-то похожий на него.

— Наконец-то она, — говорит Эдуард. И я догадываюсь: «она» — это заправочная станция.

И вот в наши баки льется бензин, слышно, как струя стучит о металл, потом шум стихает.

Лейся, лейся, бензин, заполняй наши баки до самого верха — у нас впереди длинная дорога! Если понадобится, мы поделимся тобой, бензин, с другими машинами. Есть такой крепкий закон: водитель всегда выручает товарища.

Когда край неба осветился слабым, как от карманного фонарика, светом, мы съехали с дороги у столба, на котором укреплен герб Латвийской Советской Социалистической республики. Значит, спать мы будем у себя, в России. А мыться — в том ручье, который течет уже в Латвии.

Эдик опускает голову на руль, я прислоняюсь к сиденью, и мы тотчас, словно за гипнотизированные, засыпаем.

* * *

Мы умылись и позавтракали. Эдик нажал на стартер, «МАЗ» дернулся и... что такое? Мы стоим на месте, нет, мы даже съезжаем вниз немного, в сторону от шоссе. Эдик выскакивает из машины, и я за ним.

И вот мы видим. Эта проклятая обочина сделана была, наверно, совсем на днях, да еще из мягкого рыхлого песка. Колеса «МАЗа» вырыли в песке глубокие ямы и буксуют, зарываясь все глубже.

Кузов перекосялся. Он давит на правую сторону, и колеса все глубже уходят в песок. Упирая домкрат в шину, Эдик хочет приподнять кузов. Но груз слишком велик, домкрат срывается и приходится начинать сначала. Для устойчивости под домкрат подкладываем гаечный ключ. Вроде бы все хорошо, груз немного приподнялся.

И вдруг — трах... гаечный ключ разламывается пополам, домкрат летит в сторону, кузов снова опускается на колесо, а оно уходит в песок еще глубже прежнего.

А грузовик неуклонно сползает под откос, и по бледному лицу Эдуарда я вижу, что опасность нешуточная.

Разрываю лопатой песок у колес, Эдик включает мотор — грузовик дергается, колеса бешено вращаются и... ни с места.

Уже больше двух часов продолжается все это и никакого успеха. Пожалуй, даже наоборот, «МАЗ» метра на полтора подвинулся вниз по откосу. Что делать?

Нас может выручить другой «МАЗ», если он дернет наш грузовик. Он, может быть, вытаскивает его на шоссе. Но дорога пустынна.

— Трактор бы сюда, — говорит Эдик. — Трактор бы вытянул.

Мы прислушиваемся. Полная тишина. Поет в траве неизвестная мне птица, да поскрипывает песок под колесами нашего «МАЗа».

Замечаем в кювете какие-то старые доски, это остатки снегозаградительной зимней изгороди. Мы подкладываем их под колеса.

Эдик залезает в кабину, я стою рядом на земле, чтобы ориентировать его. Мотор ревет, как танковая армия в походе. Кажется, что он сейчас взорвется. И «МАЗ» начинает медленно двигаться, сантиметр, еще сантиметр, полметра и... ура! ура! ура!.. мы на шоссе.

Какое замечательное утро! Едем дальше!

* * *

— Неплохо бы подзаправиться, как насчет обеда?

Я отвечаю глубоким согласным кивком. И оба мы начинаем высматривать свою «заправочную станцию».

И вот мы сидим за столиком вместе с еще двумя водителями. Борщ проходит в молчании. Официантка, привыкшая к шоферским аппетитам, подносит новую буханку хлеба. Гремят отодвигаемые тарелки, и тут сидящий против меня рыжеватый паренек начинает разговор:

— Откуда?

Эдик отвечает. Рыжий оказывается одесситом. А второй наш сосед — с куйбышевских нефтепромыслов.

Через пять минут водители разговаривают так, как будто век знакомы.

— Тут дорога что, благодать. Я два раза в Тбилиси по Военно-Грузинской катал. Около Казбека есть участок метра в три шириной. И сразу обрыв полкилометра. Вдруг навстречу «скорая помощь» гудит — значит, с больным. Надо ей уступать, а как? Стал задний ход давать, выехал на самую кромку и камни из-под колес посыпались. Ну, думаю, минуты две простою, а там... А день как раз жаркий, пыльный, хоть, думаю, напоследок выкупаюсь в речке этой, Терреке. Ну, ничего, в Тбилиси уже помылся, в серных банях.

— А я вот совсем недавно искупался, и где! Поехал в наш подшефный колхоз, дорога знакомая, смеркается, уже вечер. Вдруг знак — объезд,

шест, спустился к речке, пощупал — мелко! Въехал и, должно быть, метра два отступил от того места, где промерял. Поехал — вода до кабины. И смех и грех! А ведь двадцать лет за баранкой.

* * *

Одессит поглядел на часы. Прямо на циферблате были нарисованы волна и чайка.

— У меня была история с часами, — сказал Эдик. — Сломались часы на приборной доске. И стал я в кабине будильник возить, даже заводил его иногда. Однажды пришлось на концерт дрессированных собачек везти, восемь штук, целая труппа. Грузовик у меня тогда был с закрытым фургоном. Проехали мы полдороги, и зазвонил мой будильник. Вдруг слышу, в кузове

у меня еще было, я отъехал в сторону и посмотрел. Потрясающие собаки. Привожу их на концерт, а они совсем сонные. Решили, наверно, что рабочий день закончен и пора на боковую. Так и не выступали в тот вечер.

— Повезло, — сказал одессит, — а то еще, говорят, один банкир в Америке заставляет целую оперу для себя петь.

Мы вышли к машинам.

Снова наступил вечер, и снова желтые огни фар рассекли сумерки.

* * *

Мы ехали в одиночестве, редко-редко какая-нибудь легковая машина обгоняла нас, несколько секунд ее огонек маячил впереди и пропадал.

— Скоро и нам на обочину, — негромко бросил Эдик, когда в свете наших фар выступил рядом с дорогой контур грузовика «Колхида». Я даже успел разглядеть водителя: ладони он положил себе под левую щеку, кепку надвинул на глаза и спал, в этой самой, наверно, неудобной из всех поз, какие только можно выбрать для сна.

Как только свет наших фар скользил по обочине, он всякий раз вырывал из мрака то братишку-«МАЗа», то «Татру», то старенький «ЗИЛ»...

Водители спали на обочине этой дороги, так же, как они спали в эту ночь на обеих обочинах всех дорог нашей большой страны, чтобы рано-рано, как говорят, ни свет ни заря, снова пуститься в дорогу.

мост через речушку переключают. А речушка-то, плюнуть жалко, курица вброд перейдет. Я и решил действовать по примеру этой курицы. Взял

что-то происходит. Гляжу в окошко — дают собаки представление. Они этот звонок за театральный приняли. Выложили всю программу. Время

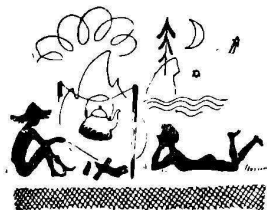
ЛАДОГА НЕ ШУТИТ

Г. Усыскин

Рисунки И. Казаковой

Синюю обложку диплома пересекает гвардейская лента. Раскрываем диплом: «За активное участие во Всесоюзном туристском походе молодежи по местам боевой славы советского народа награждается первой премией Ленинградский Дворец пионеров». Внизу подпись: начальник центрального штаба похода маршал Советского Союза И. С. Конев.

А теперь читайте очерк о тех, кто награжден почетным дипломом.

Мы не нарушили законов и правил морского регистра, наш выход в Ладожское озеро был разрешен специальной маршрутной комиссией и начальником спасательной станции

«Все суда, предназначенные для плавания по внутренним водным путям нашей страны, делятся на три класса: «Р» — речные, «О» — озерного плавания и «М» — морские. По Ладожскому озеру разрешено ходить только судам класса «М».

Правила речного и морского регистра.

в Приозерске. И противоречия здесь никакого нет. Секрет заключался в том, что нашим лодкам разрешалось идти только вдоль берегов, по возможности двигаясь проливами, прикрываясь от ветра за островами.

Но есть и такие участки пути, где хочешь не хочешь, километр, а то и больше, надо идти открытой водой. Вот тут и держи нос по ветру...

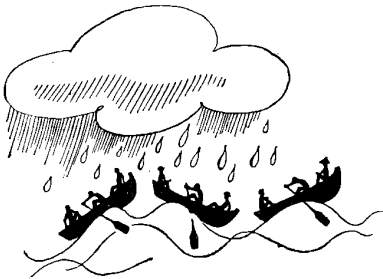
На второй день мы разбили ла-

герь на большом и красивом острове Кильпола у гранитной каменной стены. Палатки наши мы поставили рядом с туристами завода «Красный треугольник». От них узнали трагическую историю. Неделю назад недалеко отсюда волной захлестнуло катер, который вез туристам продукты. Двое сумели доплыть до ближайшего острова, а двое навсегда скрылись в пучине Ладоги.

Кильпола — огромный остров, один из самых больших на Ладоге. Который час мы идем вдоль него, держа курс на север. Удивительное явление: откуда бы ни дул ветер, волны все равно бьют и бьют у гранитные берега. И если мы очень прижимаемся к острову, нас тоже тянет туда вместе с белыми гребешками. Так и разбить может.

Выгребаем на большую воду. Качка усиливается. Надо отдать должное нашим судам — «стойчивость», как говорят моряки, у них хорошая,

В тот день Ладога еще раз испытала прочность наших судов и мастерство рулевых у маяка Курканиеми — Журавлиного мыса. Коварное это место — Курканиеми. Как будто и правда гигантский журавль сунул в воду каменный нос, облизанный волнами до блеска. И как продолжение его — гряды камней. Редкий день, когда возле мыса шти-

первернуть их трудно. Вот если через борт попадет слишком много воды, тогда хорошего не жди.

Развернувшись «все вдруг», флотилия быстрее заработала веслами и укрылась в небольшой бухточке за камнем-островом. Тут и начались находки: остаток переборки катера с массивными заклепками, осколки

снарядов, гильзы, руль от баржи...

Володя Григорьев неожиданно наткнулся на винтовку, нашу трехлинейку. Она была зажата в камнях, как будто вросла туда и пустила корни. Все усилия вытащить ее оказались напрасными. Так она и осталась торчать между камнями, вроде флагштока на корме корабля.

«Транспорт буксировал баржу из бухты Кильпола. На борту был боевой груз и 600 красноармейцев. Враг вел непрерывный артиллерийский и минометный обстрел.

В это время стальной буксирный конец намотался на винт транспорта. Корабль остановился. Противник открыл ураганный огонь, кораблю и людям грозила гибель.

Матрос Богданов бросился в холодную воду и, ныряя в течение получаса, освободил винт, рискуя своей жизнью и под конец совсем выбился из сил.

Транспорт благополучно пришел к месту назначения. При посадке на транспорт Богданов вынес из-под обстрела врага, рискуя жизнью, несколько десятков раненых.

Матрос Богданов А. Я. за смелость и героизм представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Выписка из наградного листа на матроса Богданова Алексея Яковлевича.

«Ладожское озеро отличается весьма сложным режимом волнений. Наиболее сильное волнение наблюдается осенью. В северной части озера развиваются обычно пологие волны длиной 23—25 метров и с наибольшей высотой около 4 м.»

Лоция Ладожского озера.

левая погода. Чаще — ветер и волны, которые во что бы то ни стало стараются бросить лодки на камни, ударить о самый кончик журавлиного носа. Поэтому и стоит на самом гребне маяк, предупреждая мореходов об опасности.

Мы укрылись в бухточке рядом с мысом и ждали, когда ветер уймется. Как будто бы стало тихо, можно идти. Раздается команда: «Внимание! Надуть спасательные жилеты!» На веслах самые сильные, на руле самые опытные. В надутых оранжевых жилетах мы стали сразу похожи на космонавтов. Эти жилеты нам подарили летчики; жилеты входят в обязательный комплект вместе с парашютом. Держат на воде здо-

рово — сами проверяли: двое повиснут — и ничего. Но есть и некоторые неудобства. Движения скованы, подбородок подпирает острый угол, ремешок с защелкой попадает все время на сиденье. Но тут уже не до комфорта.

Вот и мыс, чуть дует в корму. Хорошо! И вдруг сразу, неожиданно — порыв ветра! Волны бьют со всей силой в правый борт.

— Навались!

Брызги летят в шлюпку. Гребем дружно, руль до упора, и вот уже Курканиеми остается позади, прикрывая нас от ветра. Все смотрят друг на друга с гордостью: туристы-школьники здесь еще не проходили

«Северный берег Ладожского озера на всем протяжении окаймлен шхерами, которые представляют собой скопление множества небольших скалистых островов, скал, рифов, простирающихся на расстоянии до 14 миль.»

Лоция Ладожского озера.

Наждый день меняется штурманская направляющая лодка. Сегодня ведет нашу эскадру экипаж Коли Кузина. Кроме командира, на шлюп-

ке еще трое: Володя, Боря и Юра. По возрасту они самые младшие в отряде, да и ростом не очень вышли.